

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ Сорокъ лѣтъ тому назадъ.

въ 1836 — 1842 гг.

II¹⁾.

Очень и очень многое было мнѣ пріятно въ училищѣ правовѣдѣнія. Иное понравилось мнѣ сразу, почти съ первыхъ минутъ моего поступленія, другое стало нравиться постепенно, понемногу, иное сдѣлалось мило и дорого гораздо позже, съ годами. Все вмѣстѣ образовало что-то необыкновенно близкое, важное, свое, и провело глубокой слѣдъ на душѣ и жизни. Но далеко не все было и мнѣ, да и другимъ, симпатично въ нашихъ порядкахъ и нашей жизни. Мы уже съ самаго начала находили то то, то другое совершенно худымъ и негоднымъ.

Такъ, на примѣръ, при всей порядочности общаго училищнаго настроенія, все-таки въ нашемъ обиходѣ существовали подробности, на видъ совершенно невинныя и безобидныя, пожалуй, даже ничтожныя, но такія, которыя очень крѣпко давали чувствовать намъ, что такое разница сословій, состояній и кармановъ. Изъ многихъ примѣровъ перваго времени нашего присутствія въ училищѣ, я приведу два: шинели и чай.

По неизмѣнному правилу всѣхъ казенныхъ училищъ, мы получали отъ нашего училища все платье и бѣлье. Въ этомъ ни исключеній, ни разницы никакой не существовало. Но теплую шинель долженъ былъ себѣ заводить каждый самъ. Что это такое значило? И на что это нужно было? Неужели при остальныхъ громадныхъ расходахъ могъ составить великую важность расходъ на нѣсколько шинелей?

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (декабрь), стр. 1015 - 1042.

Стоило только записать въ смету эту ничтожную добавочную трату— и единымъ, почеркомъ пера, безъ всякихъ разговоровъ, она была-бы утверждена. Но этого не случилось, и теплыя шинели у цѣлаго училища были—свои. Чтò же изъ этого произошло? То, что разныя папеньки и маменьки почувствовали потребность не ударить лицомъ въ грязь со своимъ сыномъ, и шили ему великолѣпную шинель съ бобровымъ воротникомъ и отворотами, съ ярко сіящими золочеными пуговицами «совершенно какъ у настоящаго гвардейскаго офицера». И всѣ, и маменька, и папенька, и сынокъ чванились и парадировали, когда приходило воскресенье, и ихъ «Alexandre» или «George», дождавшись конца обѣдни, молодецки набрасывалъ пышную свою шинель на плечи, и триумфаторомъ сбѣгалъ по лѣстницѣ на подъездъ. На чтò нужно было давать поводъ къ этому дурацкому чванству, на чтò надо было терпѣть его? Иные бѣдные провинціалы, уже и такъ насилу справлялись съ тѣмъ, чтобъ изъ своей далекой и бѣдной глуши послать въ Петербургъ своего мальчика и устроить его въ знаменитомъ училищѣ правовѣдѣнія, а тутъ не угодно-ли еще добывать ему шинель, да еще непременно «съ мѣховымъ воротникомъ!» Наконецъ, бѣдные провинціалы кое-какъ справили ее, они воображали, что ихъ Сережа или Евграфушка и невѣсть какъ счастливъ съ этой шинелью, такъ тяжело имъ доставшейся. Но они того не знали, сколько насмѣшекъ и хохота родила потомъ эта самая шинель, съ ея копчаемымъ или собачьимъ крапенымъ, на манеръ соболя или бобра, воротникомъ, какъ надъ нею потѣшались тѣ дрянныя мальчишки, съ холопскими понятіями, которыхъ въ каждомъ училищѣ всегда навѣрное цѣлая куча. Вы скажете: какіе пустяки! какіе ничтожныя, ничего незначущіе уколы пустѣйшему самолюбію!— Да, незначущіе; однако, самолюбіе это есть, и уколы ему, охъ, какъ больны, особливо въ первыя, свѣжіе годы, да еще такъ часто, такъ регулярно—всякую недѣлю, всякое воскресенье, именно въ ту минуту, когда надо отправляться домой, къ родственникамъ или родителямъ. И ни за что не смѣй имъ рассказать, что вотъ какъ изъ-за этой проклятой шинели надо было ихъ выгораживать, ихъ защищать—нѣтъ, тутъ будь съ ними милъ, и пріятель, и весель. Сколько конфиденцій подобнаго рода слышалъ, навѣрное, каждый изъ насъ, въ откровенную минуту дружбы!

Другая исторія у насъ была съ чаемъ. За него тоже былъ долженъ платить каждый, кто хотѣлъ его пить утромъ. Заплати въ мѣсяцъ столько-то, и тебя утромъ, тотчасъ послѣ молитвы, ведутъ маршемъ и парами, съ другими такими же «исключеніями», какъ и ты самъ, внизъ, въ столовую, а тамъ уже сѣютъ глиняныя бѣлки

кружки съ чаемъ, конечно, безвкуснымъ и плохимъ, а все чаемъ. А другіе всё остальные должны взять свою бѣлую круглую булку и жевать ее въ сухомятку. Такъ ничего для питья этимъ другимъ и не было до самаго обѣда, т. е. до 1 часа дня. Правда, эти бѣлыя круглыя булки (отъ знаменитаго тогда булочника Вебера у Семіоновскаго моста, помѣщавшагося тамъ, гдѣ нынче существуетъ булочникъ Ивановъ), были лучшее кушанье изъ всего, что мы получали въ правобѣдніи, но все-таки это ни на минуту не заглушало ѣдкаго чувства досады и зависти въ каждомъ изъ непривилегированныхъ. Кто изъ десятковъ мальчиковъ, остававшихся съ одною булкою въ рукахъ, былъ виноватъ, что его отецъ или дядя не можетъ платить столько-то рублей за дрянной этотъ чай, а между тѣмъ его пить хочется и нужно, а между тѣмъ уколъ самолюбію повторяется неизбежно, неизмѣнно, всякое утро, всякое утро. Съ этого укола начинался, для многихъ, ихъ день утромъ. Извольте потомъ, съ этимъ гадкимъ уколомъ внутри, идти въ классъ и уткнуть носъ въ тетрадь и книгу! Это дѣленіе на пьющихъ и непьющихъ чай было такъ некрасиво, такъ безобразно, что когда принцъ Ольденбургскій въ 1837-мъ году женился и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, принцесса Терезія пріѣхала, однажды утромъ, въ училище и увидѣла въ одной залѣ толпу мальчиковъ, пьющихъ весело и шумливо свои кружки, а въ другой—еще большую толпу мальчиковъ, сиротливо гложущихъ свои сухія булки, и ей рассказали, на ея вопросъ, что это такое значить, она сказала: «Ach, arme Kinder!», и велѣла изъ своей собственной шкатулки давать сколько нужно денегъ, чтобъ всё до одинаго могли утромъ пить плохой чай въ бѣлыхъ кружкахъ. Она сдѣлала доброе, прекрасное дѣло, еще болѣе для умовъ и характеровъ, чѣмъ для желудковъ. Впоследствии, по примѣру которыхъ-то нѣмецкихъ или англійскихъ училищъ, насъ всѣхъ стали пить, по утрамъ, ржанымъ кофеемъ съ молокомъ. Мы его не очень-то любили, однако онъ былъ въ самомъ дѣлѣ здоровъ и питателенъ.

Совершенно въ другомъ родѣ не нравились намъ инныя еще вещи. Напримѣръ, тѣ глупыя фразы, которыя мы должны были иногда говорить, а иногда громко выкрикивать. Такъ, напримѣръ, когда мы являлись, въ воскресенье, въ 9 часовъ вечера, назадъ въ училище, изъ дому, каждый изъ насъ долженъ былъ подойти къ дежурному «воспитателю», стать въ служебную позу, и, подавая «воспитателю» свой печатный билетъ съ отмѣткой родителей о времени прихода домой и ухода изъ дому, проговорить натянуто-официальнымъ голосомъ: «Честь имѣю явиться! Изъ отпуска прибылъ благополучно!» На что нужно было «воспитателю» 200 разъ сразу прослушать этотъ

невинный вздоръ, на что нужно было и каждому изъ насъ проговаривать его серьезнымъ тономъ, какъ что-то будто-бы и въ самомъ дѣлѣ нужное и серьезное! Точно также, всякое утро, между 8^{1/2} и 9 часовъ, около времени начала класса, директоръ приходилъ изъ своей квартиры къ намъ наверхъ, и, входя въ каждый классъ, громко и рѣшительно произносилъ: «Здравствуйте, господа!» Наша обязанность была: соскочить со своихъ табуретовъ на высокіе ножкахъ, вытянуться въ струнку, и громко и рѣшительно прокричать: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство-о-о!» Что за «здравіе», что за «желаніе»—мы надъ всѣмъ этимъ порядкомъ смѣялись, какъ и надъ «благополучнымъ прибытіемъ изъ отпуска», однако переменить ничего не могли. Впрочемъ, впоследствии, когда мы подросли и перешли въ старшіе классы, мы иной разъ, при событіяхъ крайней политической для насъ важности, вздумали употребить въ свою пользу это «здравія желаемъ», и своимъ глубокимъ молчаніемъ, въ отвѣтъ на громкій утренній воагласъ директора—наказывать его, когда считали его виноватымъ передъ нами. Но это было уже нѣчто въ родѣ заговора и бунта.

Однакоже гораздо хуже смѣшныхъ словъ было у насъ многое другое еще. Утреннее появленіе директора было сигналомъ расправъ. Все, что вчера, въ продолженіе цѣлаго дня, случилось въ училищѣ крупнаго и некрупнаго, важнаго и пустаго, было уже съ вечера должно и объяснено директору Пошману, и словесно, и письменно, главнымъ дежурнымъ, и тотчасъ бывало рѣшено у нихъ, что надо предпринять съ виновными. День нашъ начинался бранью и наказаніями. Что происходили тутъ наказанія—это еще куда не шло, и по тогдашнимъ привычкамъ и понятіямъ никто не сомнѣвался, не только наказывающіе, но и наказываемые, что иначе и быть не можетъ. Но главное, что было очень несносно, это—брань директора, не столько грубая и алая, сколько негѣлая. Нашъ добрый директоръ подчасъ говорилъ намъ, на своихъ расправахъ, такіа глупости, что слушать было невыразимо скучно. Всего чаще онъ кричалъ намъ рѣзкимъ голосомъ, и гроя пальцемъ въ воздухъ, что мы «мужики» и «кучера»; къ сожалѣнію, мы не знали, что въ этихъ самыхъ 1830-хъ годахъ столько же бонтонное, какъ и нашъ Пошманъ, петербургское общество прямо въ глаза тоже говорило Глинкѣ, что его опера—«*musicque des cochers*», а Глинка отвѣчалъ, что «это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера, по-моему, дѣльныѣ господь». Но это еще что! Пошманъ нерѣдко кричалъ то тому, то другому изъ насъ: «Вашъ батюшка генералъ, онъ въ кампаніяхъ кровь свою проливалъ... а вы что проливаете? А вы что дѣлаете?» Мы слушали, въ глубочайшемъ

молчаніи и съ сѣрвезною миною, всѣ глупости директора, а про себя тоже думали: «Ахъ, какъ надоѣлъ! Ахъ, какъ надоѣлъ! скоро-ли конецъ? И къ чему онъ все это говорить? Взялъ-бы, да скорѣе уво-диль въ карцеръ, или сбѣчь, а то вонъ сколько еще болтаетъ не-пужнаго! И еще кричить намъ, что мы «мальчишки»! Да кѣмъ же намъ и быть, какъ не мальчишками? Неужто директорами какъ онъ, и генералами?» Распеканія директора, скучныя и длинныя, вотъ это-то и было настоящее наказаніе, остальное—на придачу. Какъ ни велѣно было сажать насъ въ «карцеръ», т. е. въ совершенно темный маленькій чуланъ, въ такомъ концѣ дома, куда никто не долженъ былъ прійти весь день, коть разстучись въ дверь; какъ ни тоскливо было сидѣть тамъ, и день, и два, и три, а иногда и больше, въ этой лачугѣ, въ праздности и слѣпотѣ (словно въ венеціанской тюрь-мѣ), а все отъ времени до времени прорвется туда, бывало, къ дье-рямъ кто-нибудь изъ товарищей, придетъ, поговоритъ шепотомъ сквозь тонкую дощатую перегородку, даже развеселитъ училищными новостями, потомъ еще подкупленный вахтеръ принесетъ въ голе-ницѣ сапога что-нибудь поѣсть, какую-нибудь сѣрую булку съ чер-ствымъ замасленнымъ сыромъ; потомъ еще три-четверти времени по-саженный въ карцеръ проспитъ, на тонкомъ, какъ блинъ, и зага-женномъ, цѣлыми десятками тутъ сидѣвшихъ, тюфякѣ, —такъ и прой-детъ незамѣтно весь срокъ. Какъ же можно сравнить все это съ ди-ректорской бранью!

Но что произвело въ насъ чувство совершеннаго омерзѣнія—такъ это сѣченье. Правда, система битья розгами была въ тѣ вре-мена въ величайшемъ ходу вездѣ въ нашихъ заведеніяхъ, и произ-водилась во сто разъ чаще, жесточе и непристойнѣе, чѣмъ у насъ, и мы это знали; но, тѣмъ не менѣе, мы смотрѣли на эту безобраз-ную расправу съ ничѣмъ незатушимымъ отвращеніемъ. Надо замѣ-тить, что не смотря на царствовавшую тогда повсюду привычку къ сѣченью, было уже не мало семействъ въ Россіи, гдѣ этимъ глу-пымъ варварствомъ гнушались, и гдѣ считали его не только против-нымъ, но еще и совершенно безцѣльнымъ. Такъ было и у меня въ семействѣ. Никто изъ всѣхъ насъ не зналъ, что такое наказаніе во-обще, а тѣмъ менѣе—розги! Притомъ, я родился въ городѣ, никог-да не бывалъ въ деревнѣ, и понятія не имѣлъ о томъ, какъ помѣ-щики, еще болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ тупости и звѣрства, деруть на конюшняхъ крестьянъ прутьями, а лакеевъ и горничныхъ, безъ малаго цѣлый день, дуютъ по зубамъ. Конечно, въ училищѣ былъ не одинъ я изъ подобнаго семейства. Къ чести Россіи, ихъ тогда было уже не мало. Какое же омерзительное впечатлѣніе дол-

жны были производить на насъ эти вѣчныя, съ самаго утра, угрозы розогъ, или эти столь частыя «уводы» одного, двухъ, трехъ изъ класса—на розги. «Исправленіе» наше не прибавлялось, но за то прибавлялось—гадкое ощущеніе внутри. Въ заключеніе прибавлю, что мы никогда не относились съ презрѣніемъ и насмѣшками къ сѣченнымъ. Мы стояли на ихъ сторонѣ, и считали ихъ обиженными. Я помню всего одинъ только примѣръ, что кто-то изъ высшаго класса, О... старшій, бранясь съ однимъ изъ нашихъ, и расхопившись до злости, вдругъ закричалъ ему мерзкимъ, остервѣтлымъ голосомъ: «Драный!!» Но тотчасъ-же вступилась за оскорбленнаго цѣлая толпа, товарищей, «нашихъ», до тѣхъ поръ спокойно слушавшая всю остальную брань, и О... насилу по-добру по-здоровому унесъ ноги.

Особливо мнѣ памятна одна сцена изъ тогдашнихъ временъ. У насъ, въ маленькихъ классахъ, были учителями англійскаго языка какіе-то два неимоверные чудака: Веберъ и Мозерби. Отчего они сдѣлались нашими учителями, мы никогда понять не могли. Они составляли какое-то странное исключеніе среди всего нашего учебнаго персонала. Это были два грубыхъ и суровыхъ англичанина, точь въ точь кочегары съ англійскаго парохода, можетъ быть и обладавшіе прекраснымъ отечественнымъ выговоромъ, но сущіе медвѣди, съ глухимъ и отрывистымъ рычаньемъ вмѣсто разговора, со стучаньемъ кулака по столу, съ дико сверкающими глазами. Кромѣ англійскаго своего языка они никакого другаго не знали, едва могли пролететать нѣсколько французскихъ словъ; мы ихъ не понимали, они насъ тоже, и когда на насъ, вслѣдствіе того, сердились, кажется, того и смотри, готовы были каждую минуту насъ прибить. Мы ихъ терпѣть не могли, и вѣчно насмѣхались надъ ними. Вотъ, однажды, кто-то изъ мальчишекъ—баловниковъ, ловко подкравшись сзади, насыпалъ одному изъ этихъ двухъ чудаковъ, въ задній карманъ синяго его фрака—песку, а другому—песку съ чернилами въ шляпу. Сбѣсались наши англичане, одинъ когда надѣлъ шляпу на голову, другой когда полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Кричали, топтали ногами, стучали кулаками по каедрѣ, сверкали дикими глазами—ничто не помогало, имъ никто не отвѣчалъ. Пришелъ директоръ, тоже сталъ шумѣть, кричать, требовать выдачи виноватаго—ничего изъ этого не вышло. Никто изъ обонихъ нашихъ классовъ не былъ доволенъ глупою продѣлкою, никому она не нравилась, а все-таки виноватаго не выдали. Оба класса уперлись и молчали, и это было тѣмъ важнѣе и достопримѣчательнѣе, что намъ не было времени уговориться. Видно, отвращеніе къ фискальству и доносу было у этой молодежи сильно ужъ и такъ, само собою, безъ всякаго

уговора. Но Пошманъ уже столько напумѣлъ и накричалъ, такъ много нагрозился, такъ вошелъ въ начальническую истерику, что отступать ему было уже нельзя. Надо было что-нибудь предпринять, тѣмъ болѣе, что англійская парочка кочегаровъ жестоко жаловалась, и, съ пѣной у рта, совсѣмъ выходила изъ себя, на квартирѣ у директора. И тогда Пошманъ, очень можетъ быть, экспромтомъ для самого себя, крикнулъ задыхающимся голосомъ: «А если не узнаю виноватаго, передеру оба класса, черезъ одного всѣхъ...» Оба класса стояли въ глубокомъ молчаніи, хоть бы кто шелокнулся. И тогда началась отвратительная сцена. Это происходило въ верхней угловой комнатѣ, той, что на углу Косаго переулка—теперь тутъ одинъ изъ дортуаровъ, въ тѣ времена это была учебная комната нашего самого младшаго класса. Комната была болѣе другихъ, и потому оба младшіе класса могли тутъ свободно стоять, оба разомъ. Въ одну секунду солдаты притащили скамейку, совершенно такую, на какихъ нынче спятъ дворники у воротъ, съ изголовьемъ накосъ; явился училищный палачъ, унтеръ-офицеръ Кравченко (изъ преображенцевъ, какъ всѣ почти, тогда, наши солдаты; его обязанность была: звонить въ колокольчикъ утромъ, къ обѣду, ужину, смотрѣть за солдатами, и—сѣчь. У него было множество крестовъ и медалей на груди). Розги были уже у него въ рукахъ. «Въ послѣдній разъ спрашиваю, кто это сдѣлалъ?» грозно закричалъ директоръ. Опять молчаніе. «Ну, тогда вы первый»—закричалъ опять директоръ высокому и красивому С—кому, котораго, дѣйствительно, всего болѣе подозрѣвали въ преступленіи, да при томъ-же въ своемъ классѣ (не въ нашемъ) онъ былъ всѣхъ выше ростомъ, значить приходился съ краю. Верзилу С., отчаянно сопротивлявшагося и отбивавшагося, два солдата схватили, раздѣли, положили на скамейку, Кравченко сталъ его сѣчь. Директоръ, заложивъ руки за спину, ходилъ неровнымъ шагомъ по комнатѣ. «Воспитатели» официально молчали, застегнутые въ свои вицмундиры. Невыразимая тоска и отвращеніе щемили мнѣ сердце. Я отвернулся въ сторону, взглянулъ на ряды «нашихъ», всѣ стояли рядами блѣдныя, насупленные, сдвинувъ брови и сжавъ губы, а въ высокія окна, какъ ни въ чемъ не бывало, глядѣло голубое небо и верхушки деревьевъ Лѣтнаго Сада, напротивъ. Но что у насъ у всѣхъ внутри дѣлалось, пока свистѣли и ударили розги, пока С. вскрикивалъ все болѣе и болѣе дикимъ голосомъ, все болѣе и болѣе остервеняясь при каждомъ новомъ ударѣ—этого мнѣ никогда не рассказать. Но всѣ мы сходились тогда въ одномъ и томъ же чувствѣ—ненависти къ директору и этому омерзительному его дѣлу. Въ этомъ всѣ мы сходились, и еслибъ только можно было, мы-бы разорвали на клочки

этого проклятаго для насъ въ эту минуту, звѣря и негодяя, директора Пошмана. А между тѣмъ, онъ все-таки былъ нехудой человѣкъ. Онъ поролъ, потому что всѣ тогда пороли, и иначе ему нельзя было поступать. Кто знаетъ, можетъ быть и его тоже папà и мамà били и сѣкли дома, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и не носилъ еще генеральской шляпы и ленты. Онъ такъ и привыкъ навсегда думать, что безъ розогъ—свѣтъ вверхъ ногами пойдетъ. Да сверхъ того, вздумай онъ «умничать» по части розогъ теперь, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, его-бы самага забраковали и вышвырнули-бы вонъ, на него доносили-бы, на него указывали-бы пальцами въ начальническомъ и директорскомъ мирѣ: что же тутъ оставалось дѣлать? Конечно: сѣчь, какъ велятъ, какъ принято! Но ему самому было тяжело и трудно, можетъ быть, на добрую половину столько же, сколько и намъ: онъ выдержалъ и самъ всего два сѣченья, продолжая ходить по классу все нервнѣе и нервнѣе, и не глядя на экзекуцію. Высѣкли сначала С—аго, потомъ В—аго, краснощекаго, смуглаго мальчика съ черными глазами, живаго и забіяку, но совершенно невиннаго въ этомъ дѣлѣ. Онъ все время сѣченья раздражающимъ голосомъ кричалъ, что невиненъ. У меня вся внутренность дрожала. Наконецъ, директоръ закричалъ, чтобъ перестали, и упалъ вонъ, не говоря ни слова, и не оглядываясь. Мы разбрелись по заламъ, и наше негодованіе, наша злоба, наше омерзѣніе долго не улеглись. Я не забылъ тогдашняго меркаго чувства даже вотъ спустя 40 лѣтъ. Тогдашняя картина стоитъ даже и теперь предъ моими глазами, какъ живая. А виновныхъ все-таки такъ и не узнали. Къ чему же надобно было это дрянное, возмутительное варварство? Вѣдь факты, точь въ точь подобныя тому, изъ-за котораго сѣкли передъ нами, все-таки повторялись потомъ въ училищѣ десятки разъ!

Чтобъ кончить съ этой протывной исторіей, я скажу еще, что не долго спустя С—кій и В—кій вышли изъ училища—ихъ взяли родители. Первый служилъ потомъ, и съ почетомъ, губернскимъ предводителемъ, второй—въ артиллеріи. Къ чести нашего начальства надо замѣтить, что уже и въ первые четыре года существованія училища розги употреблялись у насъ все рѣже и рѣже. Начиная съ 1840 года о нихъ можно было услышать уже въ кои-то вѣки!

Самое тяжкое наказаніе по училищу, нѣчто въ родѣ тамошней «смертной казни», было исключеніе изъ училища. На нашемъ воспитанническомъ языкѣ мы называли это дѣло гораздо проще и ближе: мы говорили «выгнали», «выгоняютъ», «выгонять» такого-то—и дѣйствительно, это выражало то, что въ самомъ дѣлѣ было, а не то,

что такъ мило и невинно обозначаетъ фарисейски-канцелярское «исключили». Что за проклятая, что за сумасбродная это была система «выговянья» того, кто проштрафился, по понятію начальства, очень тяжело! Но вѣдь воспитательныя заведенія на то и существуютъ, чтобъ развивать и воспитывать (на что же иначе и «воспитатели?»), поправлять и возвышать, а не на то, чтобъ только радоваться на образцы совершенства, премудрости и знанія. Начальствамъ не приходится въ голову, что если уже надо дѣлать непремѣнно выборъ между тѣми, кого крѣпко сохранять у себя и съ кѣмъ разстаться, то ужъ, конечно, ихъ обязанность раньше всего—ни за что не выпускать вонъ, ни за что на свѣтѣ не «выгонять» тѣхъ, кто «худо учится», кто «мало способенъ», кто «худо ведетъ себя». Во-первыхъ, сто тысячъ разъ уже оказывалось на дѣлѣ, что такъ-называемые «худо учащіеся», «худо ведущіе себя» — они-то потомъ и выходили самыми даровитыми, самыми способными, самыми полезными людьми, иногда истинными историческими личностями и дѣятелями,—но этого никогда не случалось съ тѣми посредственными тупицами, которые такъ нравятся высшему начальству, и по своему ученію, и по своему поведенію, которые обыкновенно получаютъ всѣ награды, всѣ поощренія, всѣ медали, и чаще всѣхъ остальныхъ красуются на «золотыхъ доскахъ». Во-вторыхъ же, пускай мальчикъ или юноша и въ самомъ дѣлѣ худо учится, и худо «ведетъ себя». Такъ чтожъ! Лучше выпустить вонъ изъ училища кого угодно, самыхъ лучшихъ, самыхъ способныхъ, самыхъ талантливыхъ — тѣ и безъ васъ найдутъ свою дорогу, и добьются того, къ чему влечетъ ихъ натура. Ваше дѣло — помогать слабымъ, облегчать работу малоспособнымъ, преподавать имъ самые вѣрные и надежные способы ученія и образованья. А то—«выгнать! выгнать!» Какъ это легко, но какъ это тоже и безумно! Послѣ этого, недостаетъ только еще того, чтобъ ортопедическія заведенія именно прогоняли отъ себя прочь горбатыхъ и кривобокихъ, главныя лечебницы—кривыхъ, косыхъ и слѣпыхъ, больницы—страдающихъ горячкой и тифомъ. Чистый сумасшедшій домъ!

Я помню, въ числѣ «выгнанныхъ», въ мое время, былъ одинъ графъ ***, красавецъ, молодецъ, лихой, славный мальчикъ. И за что его «выгнали»? За то, что онъ укралъ у товарищей сначала нѣсколько карандашей, книжекъ, бумаги, потомъ никому ни на что не нужныхъ мѣдныхъ жетоновъ отъ игры «ломберъ» (и на что понадобилось которому-то нашему мальчику привезти изъ родительскаго дома въ училище!), наконецъ укралъ у кого-то изъ насъ два серебряныхъ рубля, которые спустилъ потомъ, когда начались ровыски, въ трубу ватерклозета. Но ихъ оттуда, конечно, легко достали: труба была

съ загибающимся вверхъ колѣномъ. У насъ не посмотрѣли на то, что графъ этотъ былъ богатъ, что отецъ давалъ ему денегъ цѣлую кучу, что у него были давно уже у самаго часу, что такихъ жетоновъ онъ могъ-бы сейчасъ достать себѣ, не кравши, хоть цѣлый сундукъ, значить, что эти кражи его были только какою-то странностью, временнымъ дѣтскимъ уродствомъ, болѣзнью — нѣтъ, ничего этого у насъ не подумали и не поняли, и красавчика графа ***— «выгнали!» Зачѣмъ? На что? никто не справлялся объ этомъ изъ выспихъ, за то сколько спрашивали и толковали между собою мы! Графа *** увели изъ нашего класса, а что дѣло кончится плохо, мы это знали уже напередъ изъ того, что директоръ Пошманъ не кричалъ и не бранилъ графа—это всегда былъ самый дурной знакъ. Его, значить, такъ-таки прямо повели въ училищный лазаретъ, всегдашнее мѣсто «предварительнаго заключенія» передъ тѣмъ, что «выгонять». Съ того дня мы графа *** такъ никогда больше и не видали. Много лѣтъ спустя, правда, мы слышали, что онъ сдѣлался великимъ франтомъ и мотомъ, разъѣзжаетъ по Невскому на великолѣпныхъ рысаклахъ, на саниахъ, выложенныхъ слоновою костью и перламутромъ, съ полостью изъ мѣха какихъ-то драгоценныхъ звѣрей, живетъ съ знаменитой петербургской красавицей, актрисой Михайловскаго театра Дегранжъ, но все это легко могло совершиться и безъ «выгнанія» изъ училища, примѣровъ столько. А все-таки ничего худаго о немъ никогда мы не слышали, и все-таки «выгонять» его изъ училища не надо было. Пусть-бы насъ спросили, мы навѣрное сказали-бы: «не надо, не надо!» Вѣдь судъ товарищей, навѣрное, всегда справедливѣе, дальноворче и глубже, чѣмъ судъ самаго превосходнаго, самаго «умнаго» и самаго «опытнаго» начальства. У отроковъ и юношей чувство справедливости еще ничѣмъ не затемнено и не загромождено.

Тѣ наказанія, которыми распоряжались сами «воспитатели», были гораздо кротче и милѣе, но столько-же негѣны. То насъ лишали послѣдняго блюда, то и вовсе ничего не давали ѣсть за обѣдомъ или ужиномъ, а то еще насъ выставляли «къ столбу». Въ тѣ времена еще не приходило въ голову начальствамъ, что человекъ можетъ шалить и дѣлать разныя глупости, а ѣсть все-таки долженъ, тѣмъ болѣе, что наши обѣды были вовсе не такъ богаты и обильны, чтобъ изъ нихъ можно было что-нибудь убавлять. А тѣ, кого ставили «къ столбу» (или, точнѣе, просто къ стѣнѣ, потому что въ столовой, гдѣ эта мѣра практиковалась, никакихъ столбовъ не было) ничуть не предавались ни раскаянію, ни какому другому печальному размышленіямъ: они только съ внутренней досадой на

«мучителей» поглядывали по сторонамъ и ждали, скоро-ли обѣдъ кончится—вотъ и все! Стояло-ли, послѣ этого, и выдумывать-то всѣ такіа глупости?

Къ числу другихъ еще изрядныхъ негѣпостей нашей тогдашней жизни принадлежало кормленіе насъ постнымъ кушаньемъ по середамъ и пятницамъ. Кто это выдумалъ, я уже и не знаю, но это было тѣмъ несообразнѣе, что постничанье, въ теченіе круглаго года, нигдѣ болѣе не было тогда въ употребленіи въ цѣлой Россіи, въ дворянскихъ семьяхъ, и существовало только у купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Неужели надѣялись, что и къ намъ привѣтается этотъ археологическій курьезъ? Мы отъ всего сердца послали эту неумную затѣю ко всѣмъ чертямъ. Не было такой среды и пятницы, которую мы бы не бранили съ утра до вечера, потому что, наконецъ, даже просто голодали въ эти дни: никому не было охоты питаться отчаянными грибными супами и селедками невиданныхъ размѣровъ, чуть не по $\frac{1}{2}$ аршину, какими угощали насъ въ эти дни нашъ эконокъ, бывшій капитанъ преображенскаго полка, изъ солдатъ, Иванъ Кузьмичъ Кузьминъ, съ чухонскимъ раздавленнымъ лицомъ и круто нафабранными усами. Вышее начальство всегда «пробовало» это кушанье и видно не находило его невыносимымъ. Наши же «воспитатели» должно быть думали иначе, потому что должны были обѣдать съ нами и быть сыты тѣмъ-же, чѣмъ и мы: они стали позволять, сначала то одному, то другому изъ насъ въ среду и пятницу посылать въ булочную Вебера за выборгскими булками и кренделями (тогда очень знаменитыми); скоро это позволеніе стало распространяться на цѣлыя десятки воспитанниковъ, на цѣлыя классы, и подъ конецъ все училище, почти сплошь, питалось въ постные дни самыми скоромными и аппетитными печеньями. Надѣялись гораздо больше, чѣмъ въ остальные дни недѣли, на цѣлыхъ 24 часа впередъ. Въ среду и пятницу, по утрамъ, все училище только и думало, скоро-ли кончится классъ и солдаты явятся съ закрытыми корзинами? Многіе раньше звонка начинали уже выбѣгать изъ класса и заглядывать на площадку гѣстницы: не принесли-ли уже? Одинъ разъ, на все это крѣпко разсердился преподаватель гражданской практики въ высшихъ классахъ, помощникъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, Яковлевъ (тотъ самый, у котораго хорошенькая жена сбѣжала съ офицеромъ послѣ 16 лѣтъ самаго дружескаго и добродѣтельнаго супружества) — однажды ужасно разсердился онъ на всю эту процедуру, остановилъ свою лекцію, и, словно окрыснѣвшись, заговорилъ: «Что это въ нашемъ училищѣ происходитъ по утрамъ въ среду и пятницу! Ходятъ стаями, таскаютъ

булки сотнями! Ни на что не похоже! Профессора и не слушаютъ, и долго не могутъ успокоиться и продолжать лекцію.

Къ чему-же вело все это инокритское постничанье?

Какъ не научила насъ истинному благочестію эта затѣя, такъ точно не научила насъ истинному французскому и нѣмецкому языку другая столько-же остроумная выдумка. Именно: передаванье круглаго мѣднаго билета тому, кто въ отведенные для французскаго и нѣмецкаго языка дни заговорить по-русски. Этой затѣи научилъ нашего директора французъ Бераръ, гувернеръ и преподаватель со скобленымъ лицомъ и кокомъ поверхъ лба, о которомъ я говорилъ выше: какъ истый французскій педантъ, онъ посвялялъ у насъ эту забавную вещь, потому-что любилъ всякія «мѣропріятія», такъ что, хотя и добрый человѣкъ, а иной разъ съ наслажденіемъ говорилъ намъ, что намъ дадутъ «la schlague, la schlague» (розги, которыя онъ выражалъ для большей важности, на нѣмецкомъ языкѣ, котораго вовсе не зналъ). Мы сначала были озадачены мѣдными круглыми билетами, и поддались вполне желанію начальства: стали другъ-друга шпионить, подкарауливать, подслушивать, чтобы только сбыть свой билетъ и поскорѣе всучить его другому. Тутъ пошли у насъ изъ-за этого вражды, ссоры, брани и драки, особливо подъ вечеръ, когда дежурный «воспитатель» наводилъ справку: у кого остался въ послѣдній разъ билетъ, кого надо записать какъ виноватаго? Намъ грозило нѣкоторое очень серьезное оподѣніе. Но оно, однакоже, не пустило между нами корней. Сначала у насъ наши запѣвалы догадались, чтобы билеты пропадали неизвѣстно гдѣ, начисто, и такъ, что невозможно было розыскать, изъ чьихъ именно рукъ онъ исчезъ; но потомъ у насъ придумали что-то еще попроще: просто завели очередь, кому сегодня, кому завтра держать билетъ весь день у себя въ карманѣ, и потомъ вечеромъ дать записать его на свое имя. Билеты аккуратно ходили по училищу, начальство оставалось въ дуракахъ, а большинство между нами все-таки не научалось говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки.

Вспоминая теперь прошлое, я не могу тоже понять, что было хорошаго въ той системѣ раздраживанья и растравливанья самолюбій, которая практиковалась въ отношеніи къ намъ. Послѣ окончанія каждаго мѣсяца, въ одинъ изъ вечеровъ, пока мы у себя въ классѣ готовили уроки и писали «сочиненія» къ слѣдующему дню, отворялась дверь и входила длинная тощая фигура нашего инспектора, барона Врангеля, въ вицъ-мундирѣ и съ тетрадками бумагъ. Онъ водворялся на каедрѣ, и принимался читать «мѣсячные баллы». Каждый изъ нашихъ профессоровъ или учителей обязанъ былъ поста-

вить каждому изъ насъ средній баллъ, за все мѣсячное ученье, потомъ складывали баллы всѣхъ профессоровъ, прибавляли туда баллъ «за поведеніе» класснаго нашего «воспитателя», и выводили общій средній баллъ. Потомъ, располагали весь списокъ въ систематическомъ порядкѣ, и читали намъ: «за прошлый мѣсяцъ первый—такой-то, второй—такой-то», и т. д. до конца списка. Предполагалось, что отъ этого мы будемъ лучше учиться. Скажите, неужели это умно? Хорошо учиться изъ-за того, чтобъ тебя прочли 8-мъ, а не 9-мъ и не 13-мъ! Какіе дрянные мотивы! какія негодныя средства! Въ тѣ времена тоже никто еще не зналъ у насъ, въ средѣ начальства, что «хорошо учиться», т. е. быть ловкимъ пронырой, умъющимъ прилаживаться къ тому, что требуется, или быть пустымъ вубрилой—это одно, а «знать»—это другое. Но то, чего не разумѣли и не постигали «опытные» начальники и наставники, то очень хорошо понимали мы, мальчики. Официальный и нашъ счетъ успѣховъ и знанія—никогда не сходились, и сколько мѣсяцевъ и лѣтъ сряду инспекторъ со всѣми своими золотыми очками и пуговицами ни читалъ намъ, что «первый»—тотъ-то, а «второй»—тотъ-то, но это на насъ не дѣйствовало и насъ не убѣждало, и у насъ счетъ велся—свой, и когда надо было намъ посовѣтоваться, узнать что-нибудь, мы никогда не адресовались за этимъ къ казеннымъ героямъ знанія и премудрости. У насъ были свои «первые» и «вторые». Все беззубое шамканье и лепетанье инспектора-барона, съ кафедръ, вело лишь къ тому, что мы съ любопытствомъ выслушивали его цифры и выводы, а потомъ уже разбирали между собой по своему—и какъ, и почему, кому больше, а кому меньше «удалось» на этотъ разъ. Это все были только «казенныя дѣла». О знаніи и успѣхахъ тутъ не было никакого и помину. Какъ горько заблуждалось наше педагогическое и иное начальство! Быть можетъ, намѣренія у этихъ добрыхъ людей были благодѣтельныя, но ужъ умѣнья-то вовсе никакого. У нихъ вовсе не было понятія о томъ, за что и какъ надо взяться.

Учились мы, вообще говоря, хорошо. Само собою разумѣется, одни изъ насъ шли отлично, другіе средственно, третьи и совсѣмъ плохо, иначе и быть не можетъ, но въ общей сложности итогъ былъ вообще очень удовлетворительный, хорошій, если считать хорошимъ ученьемъ отсутствіе лѣности и исправное приготовленіе отвѣтовъ учителямъ. Дѣйствительно-же образовались между нами только тѣ, кто самъ о себѣ заботился, кто постоянно и самъ занимался, потому что того требовала его собственная интеллигенція. Такихъ, конечно, было немного. Но что любопытно, и что мы замѣтили съ самаго еще начала—это, что очень рѣдко хорошо учились и значительно развивались тѣ изъ поступава-

шихъ въ наше училище товарищей, о которыхъ родители не въ мѣру хлопотали, которыхъ они не въ мѣру учили еще съ самыхъ маленькихъ лѣтъ. Сколько мы видѣли такихъ мальчиковъ и юношей, которые поступили къ намъ съ «блестящимъ приготовленіемъ», которыхъ дома учили чуть не десятки учителей, гувернеровъ и профессоровъ, которые прекрасно писали и говорили не то что по-французски и по-нѣмецки, но даже по-англійски, которые прошли чуть не пол-училищнаго курса еще дома— и что-же потомъ выходило? Увѣренные, что они знаютъ гораздо больше остальныхъ, да еще надолго впередъ, и, сверхъ того, лишены родительскаго Дамоклова меча—понуканій, хвастовства, и щеголянья передъ гостями, эти несчастные уродцы, нѣчто въ родѣ разряженныхъ болонокъ, служащихъ на заднихъ лапкахъ,—эти мальчики, будучи предоставлены самимъ себѣ, скоро переставали работать и учиться, заростали, какъ дорожка, по которой рѣдко ходитъ человѣческая нога, и смотришь — черезъ годъ, много два, становились самыми ординарными, самыми ничтожными въ своемъ классѣ. Такъ-то ошибаются часто, и ревностные родители, и еще болѣе ревностные директора и инспектора. Образование совершается помимо ихъ программъ, заботъ и хлопотъ, знанія приобретаются совершенно на иныхъ путяхъ, чѣмъ намѣченные ими. И это мы въ тѣ времена очень хорошо видѣли и понимали, что, впрочемъ, ничуть не мѣшало тому, что многіе изъ насъ, сами ставъ впоследствии родителями и начальниками, все это снова позабыли, и принялись впоследствии за то самое, что въ молодости осуждали въ другихъ: коверканье и уродованье дѣтей по своимъ собственнымъ капризамъ.

III.

Ученьемъ насъ училище слишкомъ не притѣсняло, какъ и вообще ничѣмъ не притѣсняло. Учебныхъ часовъ у насъ было всего 7 въ продолженіе дня, и мы на это никакъ не могли жаловаться: утромъ первая лекція была отъ 9 до 11 часовъ, вторая отъ 11 до 1 часа; третья (послѣ обѣда) отъ 3 до 4¹/₂, четвертая отъ 4¹/₂ до 6. Правда, утреннія двѣ лекціи казались намъ длинноваты, — 2 часа заразъ, какъ много, какъ долго! Но это казалось намъ не потому, что у насъ «вниманье было слишкомъ напряжено», что мы слишкомъ «утомлялись»,—а просто потому, что въ тѣ дни, когда учитель начинаетъ «спрашивать», и надо ему «отвѣчать», при 2 часовой лекціи гораздо больше было опасности, чѣмъ при 1¹/₂ часовой, попасть въ число

спрошенныхъ, и, можетъ быть, получить худой баллъ. Ахъ, какая тягость это была, не то что въ маленькихъ классахъ не знать учительскаго урока, но даже въ верхнихъ классахъ—не знать «профессорской лекціи» (между тѣмъ и другимъ, впрочемъ, разницы было мало—объ этомъ я буду еще говорить ниже). Вотъ уже 40 лѣтъ, и больше, прошло съ тѣхъ поръ; тысячи событій, людей и отношеній прошли мимо меня, но мнѣ даже и до послѣднихъ лѣтъ десятки разъ случалось видѣть во снѣ, что я все еще прежній, что я сижу въ классѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, и кругомъ тѣ-же товарищи, и тотъ-же учитель на кафедрѣ, и все прежнее время воскресло, и меня «вызываютъ», и я иду къ высокой кафедрѣ, становлюсь передъ нею, и ничего не знаю изъ того, о чемъ меня начинаютъ спрашивать сверху строгій голосъ старика въ вицъ-мундирѣ; я ничего не знаю, потому что все разомъ выскочило изъ головы, и сердце щемить, и грудь замираетъ, и я съ тоской вожу глаза отъ спинки возвышающейся передо мною кафедры къ черной доскѣ, поднимающейся на желтомъ своемъ треножникѣ и исчерченной мѣломъ, оглядываюсь назадъ, на ряды товарищей, идущихъ въ гору со своими столами и скамейками; одни безучастно уставили глаза впередъ, другіе шевелятъ губами, словно хотятъ мнѣ что-то подсказать, третьи что-то читаютъ у себя на столѣ; взглядываю на шкафъ со стеклянными дверцами и нашими книгами, съ вершинами его глядятъ меловыми своими мертвыми глазами бюсты Гомера—нигдѣ помощи, ни откуда спасенья, кажется такъ вотъ сейчасъ пойдешь ко дну и утонешь безвозвратно. Какой страхъ! какой ужасъ! И голова безнадежно опускается на грудь. Наверное, многіе изъ нашихъ не разъ испытывали то же самое чувство въ продолженіе десятковъ лѣтъ, пролетѣвшихъ надъ ними со времени выхода изъ училища, и прежніе страхи воскресли у нихъ во снѣ со всею своею силою. Вотъ какую глубокую черту нарицываютъ на душѣ даже немногія, но сильныя и необходимыя минуты юныхъ тревогъ и волненій. Но вѣдь это все только сонъ преувеличиваетъ, какъ выпуклое стекло, раздуваетъ страхи и ужасы—въ дѣйствительности все было лучше и безобиднѣе. Повторяю, мы всѣ учились хорошо, и наши преподаватели бывали, въ большинствѣ случаевъ—очень довольны. Тѣхъ 7 часовъ, что намъ отведены были на антракты между классами и на ученіе уроковъ, было за глаза довольно, чтобы приготовиться къ 7 часамъ классовъ,—пополамъ, значить, время дѣлилось на то и на это. Ми успѣвали даже читать много; все некласснаго и неучилищнаго.

А читали мы, если не всѣ гуртомъ, то по крайней мѣрѣ многіе, лучшіе—очень много. Началось дѣло, въ нашемъ классѣ, съ

французскихъ книжечекъ, которыя «воспитатель» Бераръ давалъ намъ читать, а потомъ пошло все дальше и дальше. Бераръ, да вмѣстѣ съ нимъ и училищное начальство, вовсе не заботились собственно о самомъ чтеніи нашемъ, имъ до этого не было дѣла, они хлопотали только о томъ, чтобъ мы хорошенько практиковались во французскомъ языкѣ (вѣдь французскій языкъ—первое основаніе для благовоспитаннаго человѣка, для «джентльменовъ», какими насъ прежде всего желали сдѣлать), и дѣйствительно, французскому языку мы тутъ научились не худо, гораздо лучше, чѣмъ посредствомъ всучаемыхъ отъ одного другому мѣдныхъ билетовъ. Мало-по-малу и привыкли, и полюбили читать. Скоро мы позабыли добронравныя анекдоты Беркена и библіофія Жакоба о благодѣтельныхъ маленькихъ французскихъ принцахъ, безконечно учтивыхъ, любезныхъ, милыхъ и добрыхъ, навѣщающихъ бѣдныхъ крестьянъ, раздающихъ инкогнито лундоры и повсюду посѣввающихъ радостныя слезы и вѣроподданныя восторги. Скоро мы начали узнавать, изъ другихъ книжекъ, что въ дѣйствительности дѣло было немножко иначе, что намъ преподносятъ исторію немножко, пожалуй, и фальшивую, и что въ разное время, во Франціи, особливо въ концѣ прошлаго столѣтія, гораздо меньше было проявлено восторговъ къ маленькимъ и большимъ принцамъ, чѣмъ стояло въ книжкахъ у Беркена; мы обо всемъ этомъ толковали между собою, но книжекъ продолжали требовать изъ маленькой училищной библіотеки все больше и больше, а когда весь запасъ изсякъ, то мы взяли, собрались, потолковали между собою, учредили ежемѣсячный взносъ, и завели у себя въ классѣ свою собственную библіотеку. Всѣ наши главныя запѣвалы составили нѣчто въ родѣ библіотечнаго совѣта, для выборки и покупки книгъ, для наблюденія за очередью читающихъ и проч. Все это дѣлалось, какъ и вообще все касавшееся до класса, по выборамъ, по большинству голосовъ: такой порядокъ завелся у насъ съ первыхъ же мѣсяцевъ поступленія въ училище, даромъ что мы были все только 12-ти и 13-ти лѣтніе мальчики, и соблюдался очень строго. Впрочемъ, сколько я припомню, во всѣ семь лѣтъ пребыванія нашего въ училищѣ, у насъ никогда не оказывалось не только открытаго бунта, но даже протеста противъ власти, приговора и самодержавія класса. Всѣ охотно признавали справедливость и законность общей равноправности и равноправной подачи голосовъ. Правда, уже на второй годъ поступленія нашего, въ каждомъ изъ четырехъ, только и существовавшихъ тогда классовъ, заведены были «старшіе», т. е. нѣчто выбранныхъ между нами начальствомъ унтеръ-офицеровъ, но такъ какъ такой выборъ происходилъ не по нашимъ оцѣнкамъ и понятіямъ, а по понятіямъ на-

чаества, т. е. падалъ въ большинствѣ случаевъ на субъектовъ благоправныхъ (т. е. безхарактерныхъ), «солидныхъ» (т. е. лишенныхъ всякой живости и инициативы), и только что хорошо учившихся (по казенному), то эти субъекты не представляли для насъ никакой дѣйствительной моральной, интеллектуальной и авторитетной власти. «Старшій» пользовался кое-какими маленькими привилегіями: носилъ галунъ на воротникѣ, пользовался значительнымъ снисхожденіемъ и любезностью преподавателей, при постановкѣ отмазокъ за уроки, наконецъ, шелъ всегда впереди своего класса, въ родѣ какъ пастухъ передъ стадомъ въ Италію (какая честь! какое счастье!), но все-таки ни въ чемъ не смѣлъ покривить противъ насъ душой, даже при раздачѣ «прибавки» кашки, или блиновъ, за обѣдомъ и ужиномъ. Сдѣлай онъ что нибудь не по нашему, его бы мы тотчасъ судили своимъ судомъ, и присудили бы свое наказаніе, напримѣръ, «отлученіе отъ класса», «лишеніе разговора» съ кѣмъ бы то ни было изъ классныхъ товарищей,—а это хоть кому-бы пришлось солоно. Значить и «старшій» ничего не смѣлъ и не могъ противъ «Господина Класа», какъ у насъ называли въ нашихъ официальныхъ внутреннихъ дѣлахъ. О фискальствѣ, о доносахъ на товарищей не могло быть и рѣчи: во-первыхъ, «старшіе» наши какъ-то сами собой были очень порядочные малые, а во-вторыхъ, они очень хорошо знали, что сдѣлай они что нибудь не такъ, расплата была бы тяжкая. И такъ, бібліотека была заведена по общему нашему желанію и по большинству голосовъ. Сопротивлялись одни бѣдняки, которые были не въ состояніи платить. Но это сейчасъ же приняли у насъ во вниманіе, бѣдняковъ оставили въ сторонѣ, не требуя съ нихъ ничего, и общее постановленіе состоялось. Меня и Замятнина назначили покупщиками книгъ для бібліотеки, его для русскихъ, меня для французскихъ книгъ, и мы отправились. Изъ русскихъ у насъ раньше всего появились «Разсказы и повѣсти» Марлинскаго, изданіе начала 1820-хъ годовъ: тогда еще не было «Полнаго собранія сочиненій» этого писателя, а мы всѣ его ужасно любили, за молодцоватыхъ и галантерейныхъ героевъ, за казавшуюся намъ великолѣпною страстностью чувствъ, наконецъ, за яркій и крученый языкъ. Всего больше мы восхищались «Лейтенантомъ Бѣловеромъ». Какъ насъ трогали похождения русскаго моряка Ромео, нѣжнаго и твердаго, и голландской Гретхенъ, наивной и тонко-элегантной Жанни! Все, что тутъ встрѣчалось въ романѣ, казалось мнѣ гораздо выше, глубже, пламеннѣе и трогательнѣе даже «Аммалатъ-Бека», главнаго моего наслажденія во время моихъ домашнихъ еще чтеній (о чемъ я рассказываю въ I-й своей главѣ): конечно, уже и тамъ довольно было мужественныхъ и нѣжныхъ

чувствъ, наилучшаго джентельментства и дикой кровавости у превосходнаго татарина Амалата, и у его возлюбленной Селтанеты; но какое сравненіе—лейтенантъ Бѣловоръ, это соединеніе всего наилучшаго, что есть на свѣтѣ! Мы съ безпредѣльнымъ восхищеніемъ упивались Марлинскимъ вплоть до самыхъ тѣхъ поръ, когда начались статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», и этотъ русскій силачъ взялъ, да разомъ переставилъ на новыя рельсы понятія и вкусы не только наши, но и всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Изъ Пушкина я зналъ, поступая въ училище, всего только одну «Полтаву», попавшую къ намъ въ домъ еще при первомъ своемъ выходѣ, въ 1820-хъ годахъ. Я эту поэму очень любилъ, многое оттуда зналъ даже наизусть. Сцена «казни» казалась мнѣ верхомъ картинности, правды, изумительной пластики. Приторную, сентиментальную героиню Марію я обыкновенно пропускалъ—такъ она была мнѣ противна фальшивой леденцовостью. Большинство моихъ новыхъ товарищей знали изъ Пушкина лишь кое-что; въ тогдашнихъ курсахъ русской словесности не было о немъ и помину (чиномъ еще не досель! молодъ больно! Куда ему противъ «настоящихъ» писателей, коренныхъ русскихъ классиковъ: Ломоносова, Державина, Карамзина, говорили наши учителя), однако мы все-таки крѣпко любили Пушкина, а статья Гоголя въ «Арабескахъ» и восторженная декламация Оголина скоро укрѣпили насъ еще сильнѣе въ нашемъ обожаніи той жизненной правды, той близости къ настоящей, всѣмъ намъ известной жизни, въ восхищеніи красотой стиховъ. Въ этомъ мы уже сильно отличались отъ нашихъ учителей и всего преподаваемаго ими. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего поступленія въ училище, Пушкинъ убитъ былъ на дуэли. Это было тогда событіе, взволновавшее весь Петербургъ, даже и наше училище; разговорамъ и сожалѣніямъ не было конца, а проникшее къ намъ тотчасъ же, какъ и всюду, тайкомъ, въ рукописи, стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина», глубоко взволновало насъ, и мы читали и декламировали его съ безпредѣльнымъ жаромъ, въ антрактахъ между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не отъ кого было, про кого это рѣчь шла въ строфѣ:

„А вы, толпою жадною стоящіе у трона“

и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то въ глубокое негодованіе, пылали отъ всей души, наполненной геройскимъ воодушевленіемъ, готовы, пожалуй, на что угодно,—такъ насъ поднимала сила Лермонтовскихъ стиховъ, такъ заразителенъ былъ жаръ, пламенѣвшій въ этихъ стихахъ. Наврядъ ли когда нибудь еще въ

Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе. Развѣ что лѣтъ за 20 передъ тѣмъ «Горе отъ ума». Но скоро послѣ смерти Пушкина вышло «Полное собраніе его сочиненій»; нашъ классъ въ первый же день купилъ одинъ изъ самыхъ первыхъ экземпляровъ (такъ точно потомъ было и съ I томомъ «Мертвыхъ Душъ») и въ нѣсколько дней книги этого «Полнаго собранія» до того растрепались, что пришлось распорядителямъ нашимъ на время отобрать ихъ у класса (это произошло не безъ труда и даже насилія), чтобы поскорѣе отдать ихъ въ переплетъ. Наша необыкновенная ревность къ Пушкину продолжалась очень долго, хотя мы его уже знали вдоль и поперекъ, тверже, чѣмъ всевозможные казенные свои уроки и лекціи. Мы его безпрестанно читали. «Полное собраніе» Пушкина никогда не лежало у насъ не занятымъ въ шкалу, онъ вѣчно былъ въ расходѣ. Мы восхищались отъ всей души не только «Онѣгинимъ», «Борисомъ Годуновымъ», прелестными мелкими стихотвореніями, но даже «Повѣстями Бѣлкина», не чувствуя еще, что, въ формѣ разсказовъ, написанныхъ чудеснымъ языкомъ, это сущіе водевили для Александринскаго театра, и болѣе ничего. Со мной же самимъ случилась, изъ-за Пушкина, очень серьезная, по тогдашнему, исторія.

Въ 1839 году (когда мы были уже въ 5-мъ классѣ) мы, по всегдашнему, говѣли на 1-й недѣлѣ великаго поста. Такъ какъ классовъ у насъ въ это время не бывало, а празднымъ я не любилъ оставаться, то, разумѣется, чтò я дѣлалъ? конечно—читалъ. Вотъ однажды, утромъ, сижу я и читаю, какъ сейчасъ помню, «Братьевъ-разбойниковъ» Пушкина. Я совершенно углубился въ свое дѣло, и, при постоянномъ классномъ шумѣ и разговорахъ, къ которымъ мы такъ привыкли, что они никогда не мѣшали намъ читать, писать, дѣлать свои «сочиненія»,—я и не слышалъ какъ дверь стеклянная подлѣ самаго моего стола и высокаго табурета отворилась, и кто-то взвошелъ въ классъ. Я встрепенулся только отъ ласковаго голоса, потихоньку говорившаго мнѣ почти на ухо: «Чтò ты читаешь, Володя?» Это былъ директоръ Пошманъ, который вообще очень любилъ меня, и часто обращался со мною интимно, чему больше всего способствовало то, что я всякій день игралъ у него на квартирѣ,—продѣлывалъ свои фортепьянные уроки. Вѣроятно и теперь, войдя случайно въ классъ, и видя меня глубоко погруженнымъ въ чтеніе, онъ думалъ, что я читаю что-то «отличное», за чтò ему надо будетъ только похвалить меня. Онъ пододвинулъ къ себѣ книгу, взглянулъ—стихи! повернулъ заглавіе—Пушкинъ!! Я, какъ пойманный съ поличнымъ воръ, молчалъ, опустивъ глаза. Въ одно мгновеніе все между нами перемѣнилось. Куда дѣвался ласковый тихій голосъ, куда пропали любезныя

слова: «ты», «Володя»! Директоръ свернулъ книгу, взялъ ее съ собою и сердитымъ, глухимъ голосомъ только сказалъ: «Вы нынче говѣете, я не хочу васъ ни бравить, ни выговаривать вамъ—я скажу все это батюшкѣ. Это теперь уже его дѣло. Онъ самъ разсудить, что съ вами надо сдѣлать». И потомъ онъ ушелъ. А батюшка—т. е. нашъ законоучитель и духовникъ—тотъ шутить не любилъ. Я, на половину со страхомъ, на половину съ любопытствомъ, сталъ ждать, что со мною будетъ. Вечеромъ того же дня, когда кончилась всенощная, передъ тѣмъ, что намъ выходить изъ церкви, и когда мы рядами начали уже заходить на лѣво назадъ, вдругъ отворилась маленькая сѣверная дверь въ иконостасѣ, въ ней появилась строгая фигура Михаила Измайловича Богословскаго, въ рясѣ и еще въ епитрахили, со сложенными у пояса руками. Онъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «Стасовъ, подите сюда». Все наше шествіе остановилось. Водарилось въ церкви глубокое молчаніе. Я подошелъ къ сѣверной двери иконостаса. «Вы знаете, что такое нынѣшняя недѣля?» спросилъ Михаилъ Измайловичъ, сдвинувъ брови на своемъ всегда блѣдномъ, благородномъ лицѣ.—«Да-съ, отвѣчалъ я, съ напряженнымъ любопытствомъ, и немножко ущемленнымъ сердцемъ». «Зачѣмъ же вы читаете книги, которыхъ не должны теперь читать?» Я молчалъ. «Неужели вы не могли найти нынѣ никакого другаго чтенія?»—Я опять молчалъ. Одну секунду помолчалъ также и онъ, и потомъ сказалъ: «Такъ какъ вы не понимаете важности того, что вамъ предстояло, то вы не приходите ко мнѣ въ пятницу на исповѣдь. Причащаться въ нынѣшнемъ году вы не будете.» И онъ ушелъ назадъ къ себѣ въ алтарь. Я былъ очень удивленъ, никоимъ образомъ не ожидая такой трагической развязки. Вернувшись въ свой классъ, мы подняли разговоры, стали обсуждать дѣло по-своему, находили, что нашъ духовникъ совсѣмъ не правъ, и изъ-за такой «глупости» и бездѣлицы не стоило приниматься за такія крутыя расправы. Признаться сказать, я былъ больше удивленъ, чѣмъ огорченъ. Конецъ среды и четвергъ этой недѣли я провелъ совершенно спокойно, и даже очень мало помышлялъ о наложенномъ на меня «отлученіи» отъ товарищей. Но въ пятницу, на вечернѣ, пока я стоялъ въ церкви и когда исповѣдь для всѣхъ уже была кончена, меня совершенно неожиданно одолѣли печальныя и меланхолическія размышленія. Какъ это я вдругъ останусь одинъ, изгнанный, извергнутый? Что скажетъ директоръ, когда узнаетъ что со мною случилось? (по своему джентельменству, а, можетъ быть, тоже, ко мнѣ немножко расположенный, Михаилъ Измайловичъ до тѣхъ поръ все еще ничего не говорилъ директору Пошману). Но всего болѣе меня стала грызть мысль, что подумаетъ, что почувствуетъ, какъ набѣдствуется мой

добрый, кроткій, благочестивый отецъ, который, не смотря на всю перемѣну, совершенную во мнѣ училищѣмъ, не переставалъ быть для меня первымъ человѣкомъ въ мѣрѣ и предметомъ безпредѣльнаго, пламеннаго, почти фанатическаго обожанія. Чтѣ онъ скажетъ, чтѣ онъ подумаетъ? Какъ ему будетъ больно! Моему настроенію не мало помогала также сама наша церковь, тогда еще маленькая, тѣсная, съ низенькимъ иконостасомъ, передъ небольшими образами котораго едва мерцали рѣдкія свѣчи. Вечерніе сумерки надвигались все болѣе и болѣе, церковь становилась поминутно все мрачнѣе и чернѣе, монотонное чтеніе церковныхъ текстовъ, изъ которыхъ впрочемъ мое ухо не схватывало ни одного слова, изрѣдко поднимавшееся пѣніе, хоромъ, важнаго и строгаго речитатива, въ унисонъ—все это вмѣстѣ растревожило и разбередело меня до такой степени, что я, наконецъ, пришелъ въ состояніе, близкое къ истерикѣ. Я съ трудомъ дождался конца вечерни; день уже совсѣмъ почернѣлъ, а свѣчи у иконостаса горѣли уже совсѣмъ темнобагровымъ пламенемъ надъ свѣтильнями, нагорѣвшими шапкой. Когда наши ряды тронулись съ мѣста, я, вопреки всѣмъ правиламъ, и, не спросясь ни у какого начальства, вышелъ изъ своего ряда и направился прямо въ алтарь. Меня никто не останавливалъ. Я вошелъ въ темный маленькій алтарь, священникъ снималъ съ себя одной рукой епитрахиль и отдавалъ ее дьячку, другою расправлялъ длинныя волосы, немного наклонивъ голову. «Что вамъ?» сказалъ онъ мнѣ сурово.—«Мнѣ надо вамъ сказать...» началъ я глубоко стѣсненнымъ голосомъ, и остановился. Онъ видѣлъ, въ какомъ я экзальтированномъ состояніи духа, и сдѣлалъ тотчасъ дьячку знакъ рукою, чтобъ тотъ ушелъ. Мы остались одни. «Батюшка...» началъ я дрожащимъ голосомъ, и вдругъ накопившееся во мнѣ за всю вечерню напряженное истерическое чувство такъ сдавило мнѣ грудь, что слезы хлынули у меня изъ глазъ, и я ни слова не могъ сказать. «Ну-съ, чтѣ вамъ?» повторилъ Михаилъ Измайловичъ на половину уже менѣе строгимъ голосомъ. Въ два года моего пребыванія въ училищѣ онъ уже немного меня зналъ, и, конечно, твердо могъ быть увѣренъ въ томъ, что я мало расположенъ былъ и къ ханжеству, и къ притворству. Мы оба помолчали секунду. «Батюшка, началъ я снова, прерываясь отъ слезъ, я пришелъ просить васъ, чтобъ вы все-таки меня исповѣдывали...и дали причастіе... Теперь мнѣ можно... вы это можете... я теперь достоинъ...»—Онъ посмотрѣлъ на меня пристально. «Чѣмъ же вы приготовились?» спросилъ онъ меня вдругъ. Я былъ очень озадаченъ, и не зналъ, чтѣ сказать: мнѣ казалось, что я уже все сказалъ, что даже въ одномъ моемъ голосѣ нарисовалось выраженіе всего, чтѣ со мною происходитъ съ середи. Это молніей пролетѣло

у меня въ головѣ. Однако отвѣчать надо было, и, повидимому—официально. Я на удачу сказалъ: «Постомъ и молитвой». Въ эту минуту мнѣ рѣшительно ничего больше не пришло въ голову. Нашъ священникъ принялъ въ соображеніе, повидимому, все вмѣстѣ: и мои слова, и мое появленіе, и слезы, и голосъ, можетъ быть и выраженіе лица—я ужъ не знаю, но только онъ прочиталъ мнѣ, добрымъ голосомъ, маленькое наставленіе, и потомъ сказалъ: «Ну, хорошо, я буду васъ исповѣдывать», кликнулъ дьячка, чтобъ надѣть снова епитрахиль, и исповѣдь моя совершилась. Какъ я великолѣпно спалъ въ эту ночь! Такъ спалъ, какъ спятъ послѣ счастливо кончившагося припадка истерки, послѣ прошедшей благополучно великой опасности. На другой день я причащался вмѣстѣ со всѣми, совершенно уже спокойный и вошедшій въ обычную свою колею, но вотъ, наконецъ, кончилась обѣдня, я наскоро выхлебнулъ, въ столовой, чай, который мы обязаны были послѣ причастія пить, въ видѣ исключенія, и особеннаго угощенія, и поскакалъ на извозчикѣ домой. Даже не снимая мундира, я влетѣлъ въ маленькій кабинетъ моего отца, гдѣ онъ, по обыкновенію, въ халатѣ и колпакѣ, сидѣлъ у стола своего и что-то чертилъ карандашомъ. Я, по всегдашнему, крѣпко поцѣловалъ у него руку и съ одушевленіемъ принялся быстро рассказывать, какимъ чуднымъ манеромъ мнѣ на нынѣшній разъ привелось исповѣдаться и причащаться. Онъ былъ, конечно, на первомъ планѣ въ моемъ рассказѣ о моемъ экстазѣ и нервномъ припадкѣ во время вечера наканунѣ. Мало вообще разговорчивый, мой отецъ мнѣ ничего не отвѣчалъ; онъ только поправилъ съ одной колѣнки на другую свой бархатный черныи халатъ на оранжевой подкладкѣ, подвинулъ колпакъ на головѣ, и медленно поглядѣлъ на меня своими добрыми, тихими, улыбающимися глазами. Но мнѣ этотъ взглядъ былъ дороже и милѣе чѣмъ, еслибы онъ меня сто разъ обнялъ и поцѣловалъ.

Вотъ такъ было у насъ съ Пушкинымъ. Но Гоголя мы полюбили еще гораздо больше, и тутъ уже у насъ было (навѣрное, какъ и въ доброй половинѣ Россіи) настоящее маленькое помѣшательство. Первое, что я прочиталъ изъ Гоголя, это была «Повѣсть о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная въ «Новосельѣ», сборникѣ, составившемся изъ статей лучшихъ тогдашнихъ писателей, по поводу переѣзда книгопродавца Смирдина въ новый магазинъ. Вотъ гдѣ можно сказать, что новое поколѣніе подняло великаго писателя на щитахъ, съ первой-же минуты его появленія. Тогдашній восторгъ отъ Гоголя—ни съ чѣмъ несравнимъ. Его повсюду читали точно запоемъ. Необыкновенность содержания, типовъ, небывалый, неслыханный по естественности

языкъ, отроду еще неизвѣстный никому юморъ—все это дѣйствовало просто опьяняющимъ образомъ. Съ Гоголя водворился на Россіи совершенно новый языкъ; онъ намъ безгранично нравился своей простотой, силой, мѣткостью, поразительною бойкостью и близостью къ натурѣ. Всѣ Гоголевскіе обороты, выраженія быстро вошли во всеобщее употребленіе. Даже любимыя Гоголевскія восклицанія: «чортъ возьми», «къ чорту», «чортъ васъ знаетъ», и множество другихъ, вдругъ сдѣлались въ такомъ ходу, въ какомъ никогда до тѣхъ поръ не бывали. Вся молодежь пошла говорить Гоголевскимъ языкомъ. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили отъ нея въ такой же восторгъ, какъ и отъ его юмора. Въ началѣ же, всѣхъ поразило, прежде всего остальнаго, юморъ его, съ которымъ намъ нельзя было сравнить ничего изъ всего, до тѣхъ намъ извѣстнаго. Мы раньше всего купили для нашего класса «Новоселье», и тотчасъ же толстый томъ былъ совершенно почти въ клочкахъ, отъ непрерывнаго употребленія. Тогда не только въ Петербургѣ, но даже во всей Россіи было полное царство Булгарина, Греча и Сенковского. Но насъ мало заинтересовали «Похожденія квартальнаго» Булгарина и «Большой выходъ сатаны» Сенковского, появившіеся въ этомъ томѣ. Ложный и тупой юморъ Брамбеуса былъ намъ только скученъ, и мы только и читали, что «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича!» Скоро потомъ купили два томика «Арабесокъ». Тутъ «Невскій проспектъ», «Портретъ» нравился намъ до безконечности, и я раздѣлялъ общій восторгъ. Не могу теперь сказать—какъ другіе, но что касается до меня лично, то я былъ тогда въ великомъ восхищеніи и отъ историческихъ статей Гоголя, напечатанныхъ въ «Арабескахъ». «Шлѣцеръ, Миллеръ и Гердеръ», «Средніе вѣка», «Мысли объ изученіи исторіи», все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложенія. Что, кабы намъ на этотъ манеръ читали исторію въ классѣ, думалъ я сто разъ, сравнивая статьи Гоголя съ тою мертвечиною, тоской и скукой, какою насъ угощали наши учителя, подъ названіемъ «исторіи», конечно и не подозрѣвая, что у насъ есть воображеніе, потребность жизни и пластичности. И, мнѣ кажется, эти статьи не пропали даромъ. Онѣ имѣли значительное вліяніе на отношеніе мое, и моихъ товарищей, къ исторіи. Еслибъ наплыли наши тогдашнія тетради «сочиненій», можно было-бы увидать и прочесть тамъ (какъ ни плохи и ни ординарны были наши дѣтскія эти «сочиненія»), что, напримѣръ, на тему русскаго учителя «О пользѣ исторіи» мы именно писали, подъ вліяніемъ Гоголя, о томъ, какъ пластично и картинно надо изображать въ наше время исторію, оставивъ въ сто-

ронѣ сухую номенклатуру королей и принцевъ. Я живо помню эти наши тогдашнія сочиненія, читанныя нами одинъ другому, раньше чѣмъ подать учителю. Статьи Гоголя—отрывки изъ его несостоявшихся лекцій въ университетѣ. Принесли-ли онѣ пользу тогдашнему университету и студентамъ, того я не вѣдаю, но что онѣ были, Богъ знаетъ, какъ дороги и полезны намъ, въ училищѣ правовѣдѣнія, если не вѣмъ, то многимъ—это вѣрно.

Повѣсть «Ночь» мнѣ привелось узнать при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Однажды меня оставили въ училищѣ, на воскресенье, въ наказаніе за какую-то шалость, ужъ и не помню какую. Я, пожалуй, очень-то и не скучалъ бы объ этомъ, потому-что по воскресеньямъ оставалось довольно много товарищей—у кого родственники были за сотни и тысячи верстъ, и никого въ Петербургѣ, у кого были только такіе знакомые, къ которымъ не хотѣлось ходить, наконецъ, бывало всегда не мало наказываемыхъ, иногда изъ лучшихъ товарищей. Притомъ въ воскресенье давали обѣдъ гораздо лучше, аппетитнѣе и обильнѣе, чѣмъ въ остальную недѣлю. Катанье на конькахъ съ горы, гулянье въ саду и *pas de géant* оставались въ нашемъ распоряженіи какъ всегда, книги тоже, да еще сколько часовъ сряду, безъ перерыва классами—значить, можно было и не скучать. Воспоминаніе о семействѣ, куда не пустили—ну, да вѣдь сколько же и вознагражденій, заставляющихъ забыть это лишеніе, и притомъ, вѣдь это была только отсрочка всего на 6 дней. Я скоро и утѣшился. Но спустя 2—3 часа, я получилъ маленькую записку отъ моего отца (она у меня и до сихъ поръ цѣла), которая разомъ отшибла все прекрасное, и немножко безсердечное, веселое расположеніе духа. Меня мой отецъ глубоко и сильно любилъ (хотя никогда не рассказывалъ этого словами), и не видать меня при себѣ въ воскресенье—это было для него серьезное лишеніе. Онъ мнѣ писалъ, какъ ему печально, какъ ему больно мое отсутствіе въ воскресенье, и какъ его не веселитъ, въ эту минуту, даже все остальное семейство наше, веселое и хохочущее рядомъ въ другихъ комнатахъ. У меня разомъ сердце упало, меня словно громомъ пришибло, и я, въ глубокомъ уныніи, почти рыдая, принялся писать письмо къ моему отцу. Отправивъ его, я немножко успокоился уже отъ одного страстного, по своему, лирическаго настроенія, тутъ высказаннаго. И вотъ, въ классѣ, гдѣ я печально сидѣлъ одинъ, и немножко сентиментально раскисалъ, до меня долетѣлъ громадный хохотъ, несшійся изъ зала. Я долго не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ своего пустыннаго класса, и увидалъ цѣлую толпу нашихъ правовѣдовъ, стоявшую около воспитателя, Алексѣя Симоновича Андреева, и во все горло

дружно хохотавшую отъ того, что онъ имъ читалъ. Я поскорѣе протѣснился впередъ, даромъ что тутъ большинство было изъ старшихъ классовъ, сталъ жадно слушать, и черезъ двѣ секунды улетѣли далеко всѣ мои печали, все мое самобичеваніе, всѣ мои горестныя размышленія. Алексѣй Симоновичъ Андреевъ былъ у насъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ людей во всемъ училищѣ; мы и всегда-то къ нему льнули какъ къ своему, близкому, а тутъ еще онъ любезно и милостиво читаетъ намъ какія-то чудесныя, новыя, неслыханно-оригинальныя вещи! Недавно только передъ тѣмъ вышелъ тотъ номеръ «Современника», гдѣ напечатанъ былъ «Носъ», и, даромъ что самъ уже пожилой человѣкъ, А. С. Андреевъ раздѣлялъ восхищеніе лучшей части Россіи, и страстно любилъ Гоголя. Я не зналъ въ первую минуту, что такое читаютъ, чье это сочиненіе—спрашивать было некогда, но меня, какъ и всѣхъ, поражала и приводила въ безграничный восторгъ эта изумительная правда, натуральность разговоровъ, эта неслыханная комичность сценъ. Алексѣй Симоновичъ читалъ мастерски, и еще тѣмъ лучше, что самъ былъ въ восхищеніи, и что окружавшая его толпа молодежи аплодировала сразу и читаемому, и чтецу. Съ какимъ мастерствомъ онъ воспроизводилъ намъ рѣчи и размышленія маіора Ковалева! Какой голосъ отъ ему придавалъ! Серьезный, важный, чиновничій, полувойенный, немножко вадменный, немножко грусоватый, глупый и подчасъ подобострастный! Мы были въ глубокомъ восхищеніи. Когда все кончилось, я спросилъ: что такое читали, и чье это? А, такъ вотъ кто! Опять Гоголь, тотъ самый, чьи «Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ» наше вѣчное восхищеніе! Еще бы намъ не восторгаться. И мы провели потомъ блаженно остальное воскресенье.

Впослѣдствіи, мы также въ первый разъ въ чтеніи А. С. Андреева узнали «Коляску». Восторгъ и энтузіазмъ были тѣ-же. Какъ самъ бывшій немножко военнымъ, Алексѣй Симоновичъ не хуже настоящаго талантливаго актера передалъ намъ голоса, мины, интонаціи, даже лица, всѣхъ этихъ генераловъ, полковниковъ, маіоровъ, и тоненькихъ офицериковъ, не заставшихъ хозяина дома и отъ нечего дѣлать отправившихся смотрѣть на дворѣ его лошадей и коляску.

Нѣкоторые изъ насъ видѣли тогда тоже и «Ревизора» на сценѣ. Всѣ были въ восторгѣ, какъ и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потомъ другъ другу, подправляя и пополняя одинъ другаго, цѣлыя сцены, длинныя разговоры оттуда. Дома, или въ гостяхъ, намъ приходилось нерѣдко вступать въ горячія пренія съ разными пожилыми (а иной разъ, къ стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на новаго идола молодежи, и увѣрявшими,

что никакой природы у Гоголя нѣтъ, что это все его собственныя выдумки и каррикатуры, что такихъ людей вовсе нѣтъ на свѣтѣ, а если и есть, то ихъ гораздо меньше бываетъ въ цѣломъ городѣ, чѣмъ тутъ у него въ одной комедіи. Схватки выходили жаркія, продолжительныя, до пота на лицѣ и на ладоняхъ, до сверкающихъ глазъ и глухо начинающейся несправности или презрѣнія, но старики не могли измѣнить въ насъ ни единой черточки, и наше фанатическое обожаніе Гоголя разрасталось все только больше и больше.

Изъ училищной бібліотеки мы доставали, я помню, въ тѣ-же самыя времена, «Бригадира» и «Недоросля», по совѣту Гоголевскихъ оппонентовъ изъ учителей или знакомыхъ. Фонвизинъ нельзя сказать, чтобъ намъ не нравился, но при сравненіи, насколько еще выше и блестящѣе выходилъ Гоголь!

Что касается иностранныхъ писателей, то первое, что мнѣ пришлось купить для «господина класса» это—сочиненія Виктора Гюго, въ двухъ большихъ томахъ. Это было компактное изданіе, для дешевизны, въ два столбца, порядочно мелкимъ шрифтомъ. Но мы не боялись за свои глаза, и упорно читали этотъ мелкій шрифтъ, иной разъ когда уже порядочно стемнѣло въ классѣ, а лампъ еще не зажигали,—такъ намъ пріятенъ былъ Викторъ Гюго, котораго мы до тѣхъ поръ знали только по знаменитому имени, такъ мы были захвачены и поражены великою душою, широкимъ, горячимъ сердцемъ, проявившимися не только въ такихъ капитальныхъ созданіяхъ, какъ «Le dernier jour d' un condamné» и «Claude Gueux», этихъ истинныхъ представителей XIX вѣка, не только въ великолѣпной «Notre Dame de Paris» и драмахъ, но даже въ такихъ на половину уродливыхъ вещахъ, какъ «Bug. Jargal» и «Hau d' Jslande». По доходившимъ до насъ слухамъ, мы уже напередъ ожидали великихъ чудесъ отъ Виктора Гюго, и жадность наша была такъ велика, что когда, въ одно воскресенье, я, съ однимъ товарищемъ (изъ плохенькихъ по интеллигенціи, но добрымъ парнемъ и, главное, хорошимъ по практической части, для покупокъ), бѣлокуримъ Т., пошелъ и купилъ В. Гюго у тогдашняго недорогого французскаго книгопродавца Пуанкарре, мы тотчасъ же, не выходя изъ лавки, на Новомихайловской (гдѣ нынѣ «Европейская гостиница») попросили ножикъ, принялись разрѣзывать книги, и хотъ по немножку прочитали тамъ и сямъ, гдѣ ожидали самыхъ важныхъ вещей. Спустя мѣсяца два или три, мы тоже купили, въ пяти большущихъ томахъ, полное собраніе сочиненій Александра Дюма: онъ тогда столько же славился, какъ В. Гюго, ихъ считали равными, товарищами, ихъ одинаково одни любили, другіе преслѣдовали. Мы, конечно, тоже не были еще въ состояніи понять

разницу между ними, не понимали еще фальши и ничтожности Дюма, и довольно долго восхищались ими почти въ равной степени, хотя все-таки отдавали предпочтеніе В. Гюго за его великолѣпные лирическіе порывы, которыхъ вовсе не встрѣчали у Дюма. И этихъ двухъ намъ приходилось отстаивать въ горячихъ спорахъ отъ презрѣнія старыхъ людей. Мнѣ очень памятна пламенная схватка, доставшаяся на мою долю, и происходившія по праздникамъ или на каникулахъ, всего чаще въ домѣ у нашего родственника, стараго архитектора Аничкина дворца, Дильдина, о которомъ у меня довольно говорено въ I главѣ. Тамъ я встрѣчалъ народъ самый разнокалиберный, и, въ числѣ другихъ, нѣсколько учителей изъ штатскихъ и военныхъ заведеній. Несмотря на значительное разстояніе лѣтъ (всѣ они были, по малой мѣрѣ, втрое старше меня), я постоянно велъ съ ними жаркую войну, и оттого именно любилъ бывать въ этомъ домѣ. Всего чаще моимъ врагомъ и оппонентомъ былъ нѣкто Олимпіевъ, учитель русскаго языка и словесности въ одной изъ гимназій, точно такой же смѣшной и отсталый педантъ, какъ наши училищные Георгіевскій и Кайдановъ, человекъ, никогда не ходившій въ гости иначе какъ съ орденомъ на шеѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Господи, сколько у меня произошло съ нимъ битвъ уже изъ-за одного Гоголя, въ особенности за «Ревизора», за «Невскій проспектъ», за всю его «вѣчную грязь и непристойность!» А тутъ еще вмѣшивался отъ времени до времени, за обѣдомъ, или въ антрактѣ между кофеемъ и вистомъ, тотъ или другой изъ старшихъ. Иные изъ нихъ уже кое-что слышали про Гоголя, и даже, можетъ быть, немножко читали его. Натурально, всѣ были на сторонѣ Олимпіева, — вѣдь онъ учитель, да и насколько же старше; впрочемъ, я долженъ отдать справедливость, мнѣ позволяли спорить на равныхъ правахъ съ этимъ старшимъ, не смотря даже на весь его орденъ, и никогда мнѣ никто не зажималъ ротъ какими нибудь презрительными фразами: «Молчи-молъ, мальчишка, знай свои уроки и не спорь со старшими». Нѣтъ, этого никогда не бывало, и какъ я иногда на нихъ всѣхъ ни сердился, за ихъ толстую непонятливость, за ихъ неспособность радоваться на Гоголя, однако я потомъ все-таки оставался имъ благодаренъ, и про себя говорилъ, уходя вечеромъ изъ ихъ компаніи: „А какъ бы тамъ ни было, это ничего непонимающее старье въ вицъ-мундирахъ—все-таки добрые люди!“ Но когда поднимались у меня съ Олимпіевымъ баталія изъ-за Виктора Гюго и Дюма, тутъ уже всѣ старшіе на чистоту молчали. Большинство изъ нихъ вовсе не знало по-французски, а кто и зналъ немножко, отроду ничего не читалъ, а про В. Гюго—даже и не слыхивалъ. Между тѣмъ, съ какимъ азартомъ я вступался за

своихъ любимцевъ, за новизну ихъ направленія, за великое ихъ дѣло, столько для меня любезное: сверженіе старыхъ классиковъ (хотя я и не подозрѣвалъ, что этихъ классиковъ они вовсе не сгоняютъ съ лица земли, а сами же во многомъ продолжаютъ). Олимпіевъ съ негодованіемъ, весьма разсерженный и оцѣтенившійся въ своемъ бѣломъ галстухѣ, нападалъ на вычурность и риторику В. Гюго, на поминутную неестественность его лицъ и сценъ, а я съ жаромъ отвѣчалъ, — что пускай все это такъ, но у этого В. Гюго пропасть есть и другаго, въ сто разъ болѣе важнаго и драгоцѣннаго, а вотъ этого онъ, Олимпіевъ, и не понимаетъ, или не хочетъ видѣть: душевный жаръ, горячая защита заброшенныхъ, затоптанныхъ и презираемыхъ, отстаиванье тѣхъ, на кого въ глупомъ чванствѣ слишкомъ многіе и смотрѣть-то не хотятъ. Дерзкій переворотъ въ литературѣ, пламенная революція, могучая ломка стараго и негоднаго—какъ все это мнѣ нравилось въ Викторѣ Гюго, какимъ онъ мнѣ представлялся гигантомъ, лучезарнымъ богомъ! Но когда мнѣ случилось, однажды, защищать противъ Олимпіева тоже и Александра Дюма, доказывая, что никто, никто раньше не осмѣливался вступить, какъ онъ, за „незаконнорожденныхъ“ (въ его знаменитой тогда драмѣ „Anthony“) и бичевать въ сто кнутовъ нагѣпный общій предрассудокъ, то тутъ мой Олимпіевъ уже и совсѣмъ разсердился, покраснѣлъ какъ ракъ, и быстрѣе обыкновеннаго залепеталъ своимъ немножко косноязычнымъ языкомъ. «Предразсудки! Глупости! Вотъ какъ нынче уже мальчѣки говорятъ! Да что бы это было, когда бы такъ стали вдругъ думать и всѣ... перемѣшались бы всѣ понятія... и какого нибудь негодяя, незаконнорожденнаго, стали бы сравнивать и ставить на одну доску съ настоящими, законными дѣтми такихъ честныхъ, превосходныхъ родителей... высокой нравственности... какъ вотъ, напримѣръ, вы, Захаръ Ѳеодоровичъ, или вотъ вы, Павелъ Ивановичъ», частилъ Олимпіевъ, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ присутствующихъ, почтенныхъ отцовъ семейства. Тѣ отвѣчали: «Да.. да...» и качали только головами. Я думаю, имъ просто скучно было все это слушать, и хотѣлось поскорѣе козырять. Что касается до насъ обоихъ, съ Олимпіевымъ, мы вовсе и не подозрѣвали, что этотъ самый вопросъ о незаконнорожденныхъ былъ уже за цѣлыхъ 300 лѣтъ взятъ и нарисованъ огненною, гениальною кистью кѣмъ-то, кто былъ не Александръ Дюма чета: Шекспиромъ въ «Лирѣ». Знали бы мы это, можетъ быть, и споръ у насъ такъ самъ собою и не состоялся бы: мнѣ бы тогда нечего было такъ вступаться за чудное, великодушное «новаторство» Дюма, а Олимпіевъ меньше бы стоялъ за «законныхъ».

Здѣсь мнѣ надо еще замѣтить, что Александръ Дюма нравился

вамъ не только тѣмъ, что былъ всегда страстенъ и иногда затрогивалъ предрасудки, обще-человѣческіе интересы: намъ, можетъ быть, еще болѣе нравился тотъ типъ молодца и удалца на всѣ руки, какой часто встрѣчался въ его первыхъ романахъ и повѣстяхъ. Это былъ великосвѣтскій юноша, который все умѣлъ, все зналъ, былъ красавецъ, богатъ, любезенъ, уменъ и блестяще образованъ, ѣздилъ верхомъ какъ Франкони, дрался на шпагахъ какъ первый фехтовальный мастеръ, стрѣлялъ, плавалъ, танцевалъ какъ никто, игралъ на фортепіано какъ Листъ, пѣлъ какъ Рубини, и повально всѣмъ великосвѣтскимъ парижскимъ барынямъ и дѣвицамъ поворачивалъ голову, но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, иной разъ былъ, по секрету, разбойникъ, или пиратъ. Какой завлекательный типъ для мальчиковъ и юношей! Тутъ уже было одно зернышко изъ всего того, что впоследствии такъ сводило насъ съ ума отъ Печорина Лермонтова.

Впрочемъ, мы покупали и читали не исключительно однихъ только Виктора Гюго и Александра Дюма: мы мало-по-малу купили еще, для своей библіотеки, все на основаніи громкихъ именъ, слухи о которыхъ доходили до насъ: полное собраніе Вальтеръ-Скотта, во французскомъ переводѣ, Шекспира въ плохомъ французскомъ переводѣ Летуриера, Лесажа съ иллюстраціями Тони Жоанно (это мы купили, потому что много какъ-то слышали про его «*Diable boiteux*»), нѣсколько позже французскіе переводы, съ англійскаго, романовъ Купера и Мариетта, наконецъ Гофманна и Цшюкке по нѣмецки и не мало другихъ еще знаменитостей (конечно, только не Гейне и не Берне, которые въ то время строго-на-строго преслѣдовались по всей Россіи); купили мы тоже себѣ, однажды, не зная хорошенько дѣла, и только на основаніи одного знаменитаго имени, Жанъ-Поля-Рихтера—но его томы такъ и остались почти никѣмъ не прочитанными. Знаменитый его вычурный и притянутый—за волосы уморъ, приводившій въ такое восхищеніе нѣмцовъ, такъ и остался намъ непонятенъ и недоступенъ. Вальтеръ-Скотта мы читали всего больше, такъ что трудно было даже попасть въ очередь, и, кромѣ художественной и поэтической стороны, доставлявшей намъ, конечно, много наслажденія, мы жадно знакомились у него съ невѣдомою намъ европейскою старою исторіею Англіи и Франціи въ живописныхъ, ярко пластическихъ картинахъ. Я думаю, каждый изъ насъ больше обязанъ В. Скотту, чѣмъ всѣмъ историческимъ учебникамъ и учителямъ, вмѣстѣ сложеннымъ и перетертымъ въ одну щепотку.

И такъ, мы много читали, потому что любили это, и потребность въ чтеніи у насъ была, но нельзя сказать, чтобъ въ училищѣ мы только и дѣлали, что учили и отвѣчали уроки, а потомъ все только читали.

Мы тоже любилъ всякія игры, гдѣ тѣло было сильно въ работѣ, гдѣ нужна была сила, ловкость, проворство. Въ продолженіе дня насъ три раза водили въ садъ: утромъ отъ 10 до 11 часовъ, тотчасъ послѣ того, какъ солдатами были намъ разнесены, передъ фронтомъ, ломти чернаго хлѣба съ плохимъ масломъ (въ родѣ говяжьяго жира); потомъ, послѣ обѣда, отъ 2 до 3 часовъ; наконецъ, вечеромъ, отъ 6 до 7. Тутъ у насъ сейчасъ-же начиналось необыкновенное движеніе, шумъ, гамъ, крикъ, бѣготня. Кто былъ поспокойнѣе характеромъ и понеподвижнѣе, принимался гдѣ-нибудь, въ углу сада, за игру въ марэ (прыганье на одной ногѣ, для того, чтобъ выбить носкомъ ноги камешекъ изъ расчерченныхъ на песокѣ фигуръ, квадратовъ, треугольниковъ, полукруговъ — изъ одного въ другой); другіе, болѣе живые и подвижные, играли въ бары и лапту, ставши другъ противъ друга двумя противоположными лагерями. Когда же нашъ принцъ, послѣ одного изъ своихъ путешествій въ Англію, велѣлъ устроить у насъ въ саду «*pas-de-géant*», то мы всѣ со страстью ухватились за эту чудную, тогда еще неизвѣстную въ Россіи новинку, и все время, что намъ предоставлено было проводить въ саду, веревки не переставали скрипѣть на своихъ крючкахъ вверху, мы летали какъ птицы, на нѣсколько сажень вверху, то опускаясь, то поднимаясь. У насъ была скоро изобрѣтена система закручиванья одного поверхъ всѣхъ другихъ, такъ что пока семеро остальныхъ везли, въ своихъ лямкахъ, 8-й летѣлъ надъ головами какъ сумасшедшій: скользнулъ онъ въ это время изъ своей лямки и упалъ—тутъ ему была-бы неминуемая смерть. Вотъ эта-то самая опасность, эта безумная быстрота полета намъ именно всего болѣе и нравилась, и около *pas-de-géant* не было никогда отбоя, мы принуждены были завести между собою очередь. Сколько изъ-за нея одной было у насъ споровъ, ссоръ, брани—даже дракъ. Я думаю, всѣ наши помнятъ, какъ одинъ изъ нашихъ товарищей, изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, недавно еще пріѣхавшій, и плохо говорившій по-русски (нынче онъ уже давно тайный совѣтникъ, и грудь у него полна звѣздъ), бѣгалъ отъ одного къ другому, упрашивая, чтобъ ему дали понасть въ очередь. Не умѣя сказать лучше, онъ все только повторялъ: «Разъ—ти (т. е. ты), разъ я». Его такъ и прозвали: «Расти—расъя». По счастью, никогда никакого трагическаго случая на *pas-de-géant* въ наше время не было.

В. В. Стасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).